

Елена МАРКОВА

г. Петрозаводск

СТИХАМИ ВЫСТААН ПРЕДРЕЧЕННЫЙ ПУТЬ

(Лирический триптих Елены Пиетилляйнен)

Долгое время знала одна она, что «родилась с ощущением слова». «Девочка в ярком платье, с одуванчиковым венком», сделавшая свой первый шаг в Подпорожье, где в 1961 году появилась на свет. В светлые кондопожские годы радовала одноклассников стихами и сказками. Из стенгазеты ее лирические откровения переправались в республиканскую молодежную газету. Они-то были и жили, да поэтесса затаилась, подписываясь иным именем. Стеснялась, стыдилась своего главного «я».

По окончании Петрозаводского университета уехала в Чупу Лоухского района. Кто не помнит Лоухи – хозяйку страны Похьелы, что в переводе на русский язык означает: страну северную и суровую. Там, в пространстве Полярного круга, учительствовала Елена Евгеньевна Пиетилляйнен, жена и мать двоих детей и никому не ведомая поэтесса. Нет, она сочиняла, и много – для школьных праздников – смешно, забавно, остро. А написанное душой и сердцем узнали лишь тогда, когда состоялась публикация в Москве – по итогам Международного конкурса «Глагол», объявленного в 1991 году журналом «Юность». Узнали, да не признали.

За одной победой пришла другая: победила на Всероссийском конкурсе «Учитель года-1996» в Москве. Переехав с семьей в Петрозаводск, каза-

лось, окончательно утвердилась на педагогическом поприще: заслуженный учитель Республики Карелия, кандидат педагогических наук, руководитель Центра развития образования, и... новый поворот судьбы. В 2007 году писатели просят (что бывает так редко!) возглавить журнал «Север» и избирают ее председателем Карельского регионального объединения Союза писателей России. Этот послужной список следует дополнить списком из четырех книг: 3 – поэтических и 1 – в прозе для самых маленьких. О лирике и поведем речь.

Не раз говорилось, что биография поэта в его стихах. Да, зачастую явно или косвенно реальная биография проступает сквозь плотную ткань стиха.

Берешь книги Пиетилляйнен ... где здесь красивая успешная женщина? Где этот трудоголик? Где этот напор? борьба за результат? улыбка, наконец?

Жизнь пишу, как эссе, с многоточием белых пятен

Реальный текст ушел в белые пятна (хорошо – не в черные дыры), а в многоточиях и тире попробуем разобраться.

Начнем с первой книги «Оттаявший свет» (1998). Книжечка меньше ладони: 13,5 см – в длину, 10 см – в ширину; 60 страниц, 52 стихотворения. Рябень-

кая обложка. И... тот редкий случай, когда автор не дебютант, его по одной (!) книге, что «томов премногих тяжелее», принимают в творческий союз.

– Принять-то приняли, но не преувеличиваете ли Вы, уважаемый критик?

– Нет, не преувеличиваю и попытаюсь это доказать.

Слышала, как одна читательница, превосходно знающая поэзию, прочитав рукопись со стихами Пиетилияйнен, хулить-то не хулила, однако и хвалить не стала: мол, не Лермонтов. Не удивило, что отвергла, ибо в своем отечестве пророков нет. Но Лермонтов-то при чем? Притом... почувствовала-таки «знайка» эту едва уловимую связь, у поэтессы тоже и «стих, облитый горечью...», и эти «леденящие душу вопросы», только на другом историческом витке, когда старый мир рухнул – лучший не народился. Мало того: не оставил надежды на свое счастливое воплощение.

Алексей Авдышев, известный художник и поэт, в своих стихах, написанных на исходе 1990-х, создал образ обращенного мира, в котором ожидаемое благополучие сменяется атмосферой страха и ужаса:

*Смешное сказочное царство,
Где все не так, наоборот,
Где тайна – явно государство
У граждан своих крадет
Их труд, достоинство и время –
Все сразу и не разберешь!*

Ясно, какой страны это социальный портрет. У Пиетилияйнен тоже постоянное ощущение – убеждение, что «Жизнь вывернута снова наизнанку». Когда за этими строками следует мучительное доказательство: «Отцы хоронят молодых ребят...» – то понимаешь, в чей адрес прозвучала инвектива.

Но, как правило, человек в лирике Пиетилияйнен выключен из социума. Она создает автопортрет души, обитающей в мире, где все наизнанку, где самое время ... Хотите продолжить, сказать: «лечит». Нет!

*Время – вялый, слепой
палач –
рубит душу на сто кусочков.
(«Жить так жить»)*

Сам счет времени приобретает, мягко говоря, отрицательные качественные характеристики: день – «прострелен разлукой навывлет»; вечер – «словно слепец... в сыром камзоле»; сутки – «промерзнувшие»; минута – «смертельная, черная».

И мир, полоненный этим временем, разбивается на осколки, лишается «смысла целостности» («Среди отживших век вещей»).

Да, конкретные реалии не названы, но разве не передано ощущение русского человека «на изломе века»? Как справедливо заметил в своем лапидарном вступительном слове поэт Олег Мишин, «свои переживания Елена Пиетилияйнен чаще всего выражает через «надломные» состояния природы...: «Обгоревшего неба излом Впились в зубчатый выступ леса...». И еще одна цитата: «Трудная взыскательная судьба поэта – женщины, – пишет профессор Сибелан Форрестер из США, – проявляется здесь больше всего в соотношении лирического героя со своим окружением» («Север», 1999, № 8).

Собственно, вывод подтверждает сказанное Мишиным. Однако здесь значим эпитет «взыскательная» и гендерный симбиоз: «женщина» (далее Форрестер уточняет: «Это сугубо женская судьба...»), но – «поэт»; но – «лирический герой». Женское начало первично у Пиетилияйнен, оно мощно заявляет о себе. Она «пишет собой», а рассказывает о других – о человеке на земле. Не случайно в стихах появляются мужские образы: конь, всадник. Нет, это не всегда Пегас, просто спутник живущего на земле человека.

«Взыскательная» женщина-поэт не потому, что предъясняет счет другим, а потому, что стремится осознать свое предназначение в мире, понять, что такое жизнь. Ей дано говорить афоризмами: «Жизнь – всего лишь короткий транзит Между небытием и вечностью»; «И, уйдя навсегда, вернусь из непознанного ниоткуда».

И все же более всего меня поражает, как Пиетилияйнен передает сам процесс бытия:

*Когда сползала с неба мгла
И наливались окна светом,
И тишина на снег текла
С отяжелевших зимних веток,
Когда фонарь, уснув, потух
В декоративной позолоте
И бывшей ночи злобный дух
Опять лишился черной плоти,
Тогда вечерняя мечта,
Казавшаяся избавленьем,
Золой сожженного моста,
От непощенья исцелением,
Скользнула между двух времен,
Оборотившись лживым бликом,
Освободившись от имен,
Как от губительной улики.*

И трагическое – афористическое – резюме:

*Ей воплощенье не дано –
Она, чем дальше, тем сильнее...*

Вывод поэта опрокидывает народную мудрость, поэтому стихотворение завершается признанием:

*Не верю я уже давно,
Что утро ночи мудренее...*

Двойное резюме, не выделенное строфически, ибо напряжение мысли вписывается в общий процесс природно-духовного состояния.

Прав Мишин, подметив, что «в сборник включены стихи разных лет без разбивки их на циклы». Что циклы, Пиетиляйнен на строфы стихи редко разбивает. Лирик постоянно, чтобы передать необратимый поток времени, одевается в платье эпика. Не зря так любила в студенческие годы античную литературу: чтение классических образцов пошло впрок.

И русскую историю помнит: утверждение – через самоожжение. Этот мотив появляется не раз и не два, пока душевное, пока духовное преображение не случилось:

*... Выжжена до пепелища
Счастьем душа моя.*

Как природе не помочь этой обновленной душе:

*Мой апрель, выбиваясь из сил,
Жесткой плети метельной отведав,
Все же выплеснул теплую синь,
Мир забрызгав
Оттаявшим светом...*

Итак, в этом «воспаленном», этом «большом» мире, когда «крошится жесткий век», все же «уцелел на свете Бьющийся человек...».

Я к себе и к тебе милосердна

В 2002 году в Москве вышла вторая книга стихов Елены Пиетиляйнен, где продолжился ее диалог со временем. В этот очерченный героиней «белый круг», где нет ни чужих, ни своих, властно вошел человек – другой, любимый. Его образ наметился в первой книге, но тогда она не разрешала себе любить. Еще не придя на свидание, она думает о расставании: «Тогда, в последний раз моей любви истлевшей И в самый черный час, я разожгу камин» («У камина»). Сжигает будущее с его болью и обидами, еще не пережив, не обжив настоящее.

Здесь же, в сплетении новых и старых стихов, роман ожидания – предощущения встречи с Ним через звук телефона, стук двери, через будто слышимый «смех знакомый...». Но желанные звуки заменяют другие:

*Выстудил ветер сердце –
Нет больше в нем огня.
Выстукивает усердно
Лишь для меня, для меня.*

Это напряжение душевных сил так мучительно резонирует с природой, что не понять: то ли женщина передает свое состояние осени, то ли та ей: ведь у нее «Безнадежностью сердце вымокло».

В этой женско-осенней безнадежности и трепетные воспоминания, и самые привычные слезы в подушку, и сила прощения-забвения:

*Я к себе и к тебе милосердна –
Никогда ни о чем не узнаю.
Все несбывшееся – бессмертно.
Забываю тебя, забываю...*

И угрожающее отчаяние:

*Я уже не откликнусь –
зови, не зови.
Вновь бинтует зима
город лентою белой.
Мое сердце оглохло. Душа онемела.
Я уже ничего не скажу о любви...*

Такой разнообразный спектр женских чувств, известных каждой. Да не каждой дано их воплотить в слова.

Трагедия мира, писала Пиетиляйнен в первой книге, – это «трагедия брошенных домов», но здесь она хочет обжить и его дом, и ощутить «запах кожи И несбывшееся тепло Глаз и упругой ладони» в своем доме. На-ко-нец-то! Случилось!

*Звонок, звонок! Но нет – не телефон,
Лечу, как в пропасть – открываю двери...*

Сохранив святую веру

В третьей книге Елены Пиетиляйнен «Предощущение», вышедшей в Петрозаводске в 2010 году, двери открыты для многих. Здесь не просто родовые обозначения «мир», «свет», «город», «сад» – здесь появляются конкретные имена: Валаам, Онего, Санкт-Петербург, Москва, Петрозаводск, Порвоо. Они, как и имена близких, проступив уже по

второй книге, здесь заявили свои законные права на автора. У нее здесь и муж, и дети, и бабушка с дедушкой, учителя – ее семья.

Повторяя прежние стихи, развивая новые мотивы, она даже, если «Не стучится желанный гость», не отчаивается, ибо готова «счастье сама ковать», полна памятью счастья: «...рдеет отблеск огня – То любви моей солнечный слиток» («Между тусклых дождей»).

Нет, идиллия не наступила, но поэт в каждой детали бытия ищет исцеление, потому и в луче солнца видит «сверкающий скальпель...», что «срезает созревшую грусть Неоправданных летних желаний». Она и раньше утаивала нежность «От злобы промерзнувшей» и отпускала ее «Весною стихами талыми».

В новой книге образ Слова становится одним из главнейших, ибо они напитаны жизнью, и они питают саму жизнь, и этот процесс вечен, потому вечный образ «словесного дерева» обретает под пером Пиетилиянен новое наполнение:

*Еще мерцает Божия искра,
Слова набухли, как весной почки,
И даже там, где высохла кора,
Язык зеленый высунут листочки!..*

Будущее – цветущее и плодоносящее – время постепенно входит в ее стихи – стихи зрелого мастера, стихи матери:

*Как долго я вынашиваю слово...
Как медленно рождаются стихи.*

Родовой процесс так труден, потому что она – мать «четырёх стихий», насытивших слово огнем, водой, воздухом и, конечно, землей:

*И сколько б я у неба ни просила,
О вдохновенье творческом моля,*

*И мудрый смысл, и жизненную силу
Дает словам греховная земля.*

Это знание силы Матери Сырой Земли и дает ей право открыть книгу программным стихотворением «с названием кратким Русь». Выскочила есенинская цитата не случайно. Умение Пиетилиянен отражать дисгармонию мира через дисгармонию в природе здесь соседствует с есенинским предощущением гармонии. Оно же ей знакомо с детства:

*Утром сонные осины
Ветви моют в облаках.
Меня в детстве Русь носила
На березовых руках.*

Детское счастье не вечно. Ему на смену приходят испытания, порождающие другие чувства. Если ранее героиню спасал очерченный ею «белый круг...» – «темный край Сгоревшего огня...», то теперь у нее есть вера в защиту Матери-Родины, что сразу сказывается на характере поэтического словаря: на смену оксюмору приходит мольба, ставшая личным и всеобщим девизом:

*Но лицом в подол России
Из душистых теплых трав
Я в отчаянье безмерном
Упаду еще не раз,
Сохранив святую веру
В Бога. В Родину. И в нас.*

Как не вспомнить слова (пророческие?) профессора Е.М. Неёлова: «Россию спасет молитва Ярославны...»

□

Елена Ивановна МАРКОВА

в 1970 году окончила Петрозаводский университет.

*Зав. сектором литературы и фольклора Института языка,
литературы и истории Карельского научного центра РАН.*

Доктор филологических наук.

Автор более 120 научных трудов, в том числе 6 книг.

Член Союза писателей России. Член концертных деятелей России.

*Лауреат премии Республики Карелия
в области культуры, искусства и литературы,
заслуженный деятель науки Республики Карелия.*

